

УДК 811.352.3

ББК 81.602

К 36

З.И. Керашева

Керашевой Зайнаб Ибрагимовне в этом году исполнилось бы 85 лет. Выдающаяся ученая-кавказовед, первая адыгейка – доктор филологических наук, профессор, она возглавляла кафедру адыгейской филологии свыше 16 лет. В память о ней мы представляем нашим читателям неопубликованную ранее статью из ее личного архива.

Язык – ценный источник для познания истории народа

(Рецензирована)

Аннотация:

В статье автором проводится мысль, что история языка неотделима от истории народа. Язык дает материал не только для изучения вопросов этногенеза и культурно-исторических связей народа, но он представляет исследователю обширные сведения для восстановления хозяйственно-экономической и духовной жизни народа. Язык адыгов, вместе с абхазским и убыхским, составляют отдельную самостоятельную ветвь иберийско-кавказской семьи языков. Языковые контакты представляют интерес для историков.

Ключевые слова:

Язык, история, народ, культура, лингвист, этнос, топонимика, письменность, памятники, адыги.

Жизнь народа тесно связана с языком. История народа фиксируется и отражается в его языке. Широко известен лапидарный тезис Якоба Гримма: «Наш язык – наша история» [1, 61]. По образному выражению А.И. Герцена, за словами нашей речи, «как за прибрежной волной, чувствуется напор целого океана всемирной истории» [2, 651]. При решении этногенетических проблем, древнейшего местонахождения народа издавна происхождение языка считалось одним из важнейших факторов: «Ни одно средство познания происхождения народов и их родственных связей в седой древности... не является столь важным, как язык. На протяжении одного человеческого поколения народ может изменить свои верования, традиции, установленные обычаи, законы и институты, может подняться до известной степени образованности или вернуться к грубости и невежеству, но язык при всех этих переменах продолжает сохраняться, если не в своем первоначальном виде, то, во всяком случае, в таком состоянии, которое позволяет узнавать его на протяжении целых тысячелетий» [3, 36]. История

языка неотделима от истории народа. Данные языка незаменимы при реконструкции истории и историко-культурного прошлого народа, особенно до письменной поры. Лингвисты считают язык исключительно ценным источником для познания исторического прошлого народа. Так Я.Гримм утверждает, что язык является более живым свидетельством о прошлой жизни народа, чем кости, оружие, могилы [4, 4]. Целый ряд проблем истории народа не может получить достаточно полного и убедительного решения без привлечения к исследованию фактов языка. К таким проблемам относятся этногенез народа, этническая история, вопросы этнического прогнозирования. Исследованием проблемы этногенеза заняты ученые самого различного профиля: историки, археологи, антропологи, этнографы, фольклористы и, в том числе, лингвисты: «...при решении этногенетических вопросов необходим самый тесный контакт и сотрудничество лингвистов, с одной стороны, и историков, археологов, антропологов и этнографов – с другой» [5, 39]. Этнография, этнокультура, этноконтакты, возникшие в ре-

зультате миграционных процессов, социальная структура народа, его материальная и духовная культура – все это находит свое отражение в языке.

Соционормативные установления, вся этнокультура да и язык всех адыгов по существу совпадают и по своей сути представляют один народ, называющий себя «адыгэ», говорящий на «адыгабзэ», живущий по законам «адыгэ хабзэ»: «Характерно и то, что на какой бы территории ни проживали адыги, они четко осознают свое этническое родство, принадлежность к единому этносу. Чрезвычайно важным компонентом адыгского этнического самосознания является также этикет – «адыгэ хабзэ», правил которого придерживаются представители всех локальных групп адыгов—за рубежом и на исторической прародине – Северо-Западном и Центральном Кавказе» [6, 8]. Исходя из современной трактовки и понимания понятия этнос, несмотря на отсутствие экономического, политического, территориального единства, адыгов рассматривают как один этнос, так как «под термином «народ» понимается исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная общность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также самосознанием, то есть сознанием своего единства и отличия от всех других подобных общностей» [7, 7].

Язык адыгов, вместе с абхазским и убыхским, составляют отдельную самостоятельную ветвь иберийско-кавказской семьи языков. Относительно родства северокавказских языков у лингвистов не возникает никаких сомнений, хотя это родство весьма и весьма отдаленное и для его подтверждения еще нет достаточно убедительных фундаментальных исследований. Относительно же родства северокавказских языков и южнокавказских мнения расходятся. Ряд лингвистов предпочитают исключать грузинский язык из кавказских языков на том основании, что не установлены фонетические соответствия между северокавказскими и южнокавказскими. Однако родство языков основывается не только на фонетических соответствиях. При определении родства учитываются и корнеслов, и форманты, и, в последнее время, типологическая общность. Если основываться только на фонетических соответствиях, то они не установлены не только между северокавказскими языками, но и между языками одной

ветви, например, между абхазским и адыгским, не говоря уже о соответствиях между северокавказскими и южнокавказскими. Между тем, Тбилисской лингвистической школой проведена исключительно большая работа по исследованию северокавказских языков. Результаты исследования пока еще не обобщены в виде сравнительно-исторической грамматики иберийско-кавказских языков, но в целом ряде работ представлен корнеслов, общий для иберийско-кавказских языков. Выявленные общие элементы учитывают далеко не все архаизмы, этнографизмы, диалектизмы. Возьмем, например, в адыгских языках распространенное в детском языке щэбаб «пшеничная каша с молоком»: сложное слово, второй компонент которого – баб – в адыгских языках десемантизирован, но в мегрело-чанском баб означает «хлеб».

Сравнение абхазского и адыгского слова «сестра» с грузинским ничего не дает: разный материал, но если мы возьмем этнографизм в адыгских языках дае «девушка, ухаживающая за раненым», то совпадение корней налицо: см. груз. да «сестра», мами-да «сестра отца», мами-да-швили «сын, дочь сестры отца». То, что корень слова «лошадь» (адыг. шы <- чы, абхаз. ачы) восходит к единому корню, подтверждается междометием в грузинском языке: а чы цхъено! «Но, лошадь» (Арн. Чикобава). Как показано Арн. Чикобава, слово «солнце» (адыг. тыгъэ, каб. дыгъэ, в груз. мзэ) претерпело в этих языках ряд семантических изменений [8]. По всей вероятности первоначально «солнце» в адыгских языках было мазэ. На это указывают производные слова: мзэагъо «светло» (срав.: шапс. мзэтыгъэнэф «светло», женское имя в адыгейском Мзэагъо и в грузинском – Мзия «солнцеликая»). В адыгских языках солнце мазэ стало означать «луну», а в грузинском дгъэс обозначает «день» и т.д. Структура словообразования во многом общая, срав., например, мэкьюнэгъо маз, груз. тибатве «сенокоса месяц»... Но несмотря на отсутствие общекавказских сравнительно-исторических словарей, грамматик, проведенные исследования позволяют решать проблему взаимоотношения абхазско-адыгских языков с другими языками иберийско-кавказской семьи.

В настоящее время довольно определенно можно утверждать о лингвистических родственных связях хаттского и адыгских языков. Лингвистами выявлены факты, особенно лексические, подтверждающие это родство. По

словам Яна Брауна, выявившего значительное количество общих элементов в корнеслове адыгских языков и хаттского, хаттский при дальнейшем углубленном его изучении может сыграть для адыгских языков роль санскрита. Так, отдельные дискуссионные вопросы уже на современном этапе можно решить при помощи данных хаттского языка. Например, слово псэ «душа» трактуется лингвистами по-разному. Одни считают его адыгским, другие – заимствованным из греческого языка: *psyche* «душа». Данное слово – исконное для абхазско-адыгских языков. В адыгейском языке от корня псэ «душа» образуется большое количество производных слов (пса-льэ «слово», псэ-льыхъу «жених», псэ-емыблэжь «неустрасимый» (букв.: «не щадящий своей «души»). Во вторых, корень *psa* наличен почти во всех иберийско-кавказских языках (см. груз.: *su-li*). Исконность данного слова подтверждается и хаттским языком: *psun* «душа». Отсюда можно предположить, что древние греки могли заимствовать псэ «душа» у протохаттов, если оно не является субстратным явлением в греческом языке. Дело в том, что, по мнению отдельных ученых, например Шарашидзе, предки греков представляют одно из ответвлений протоадыгов, таким образом, абхазско-адыгские языки генетически связаны с древними языками Малой Азии (хаттским, хурритским и др.) и образуют одну языковую семью, занимавшую в прошлом значительную территорию Малой Азии и Средиземноморья. Языки Средиземноморья – мертвые, за исключением баскского языка, сохранившегося как реликт большой языковой общности, куда входили, возможно, языки пелазгов, этрусков и др. Поэтому материальные общности в археологии Средиземноморья и Кавказа – закономерны.

При решении вопросов этногенеза, этнографии народа историки нередко обращаются к топонимике и, более широко, – к ономастике [9]. Язык дает материал не только для изучения вопросов этногенеза и культурно-исторических связей народа, но он предоставляет исследователю обширные сведения для восстановления хозяйственно-экономической и духовной жизни народа [10]. Но не всегда анализируемые единицы языка получают объективную оценку и тогда выводы ученых ошибочны. Так Трубачев О.Н. для доказательства индо-арийского языкового субстрата в Причерноморье и на Северном Кавказе утверждает, что

у адыгов нет слова для обозначения «острова» [11]. Исследователь не потрудился заглянуть ни в Словарь Ш.Ногмова, опубликованный в двухтомнике «Филологические труды», ни в Словарь Л.Люлье, ни в современные работы, посвященные описанию языка причерноморских шапсугов. Название острова интересно в этнолингвистическом плане: *tlyashlэ* «остров» (Ш. Ногмова), *псыг1уак1э* (Л. Люлье)... [12]. В современном шапсугском нами зафиксирован еще один синоним: *псыгу* «остров». Маринологическая лексика более широко представлена, естественно, в шапсугском диалекте.

Топоним Цемез также произвольно трактуется Трубачевым О.Н. как индоевропейская лексема. Слово выхвачено из живой лексической системы языка без учета его корней, составных частей, взаимосвязи с лексической системой языка, хотя общий топонимический закон гласит: «Названия никогда не существуют в одиночку, они всегда соотношены друг с другом. Чтобы выяснить происхождение названия, необходимо прежде всего понять, что оно возникло не изолированно, а лишь в определенном ряду других названий» [13]. Анализ лексического ряда, членом которого является Цемез, позволяет установить этимологию слова и доказать его исконный характер. Цемез адыг. *ц1эмэз* (<- *ц1э* + *мэз*) Новороссийск (буквальный перевод *ц1эмэз* – «темный лес»). В ряде сложных слов *ц1э* < *п1ц1э* имеет значение «темный». Значение «черный» в адыгейском и кабардинском выражается композитом: адыг.: *ш1уц1э*, каб. *ф1ыц1э*. *Ц1э* в значении «темный» входит в состав многих сложных слов: *дэ-напц1э-данэ* «шелк» + *пц1э* «темный» – темный шелк (ср. *дэна-гъо* «светлый шелк»); *ек1апц1э* – *як1э+пц1э* «черная ольха» (срв.: *к1ай* «ясень»); *кьюапц1э* «брюнет» (срв.: *кьюпц1э нэгуф* – «черноволосый, белолицый»); *п1ц1эпльы* «рыжий», «темно-красный»; *п1ц1эгъопль* – *п1ц1э-гъо-пль* «гнедой» и т.д. [14]. Речка *Ц1эпс* букв.: «темная вода» – Ципка, (ср. *Щэпсы* букв. «молочная вода», каб. *Псыгъ-уабжьэ* букв.: «темно-серая вода») и т.д. В топониме *самаз* первый элемент *са* – *рса, так же, как и в слове *сэ-рс* – *рсэ* = *рс*, имеет значение «темный». Следовательно, *самаз* – букв. «темный лес» [15].

Для этимологии слова необходимо, во-первых, установить его исконность, во-вторых, выделить в слове основу, корень и аффиксы, учесть фонетические изменения, происшедшие

в слове, и т.д. Не всегда этимология слова может быть раскрыта, исходя из его основы. Необходимо учитывать и систему лексики и грамматики. Отсутствие лингвистического анализа слова приводит к ложной, так называемой «народной этимологии». Так, например, этноним «меот» этимологизируется исключительно субъективно и своеобразно без обращения к структуре слова, к системе языка. Статья П.У. Аутлева «К вопросу о смысле слова «меот» и «меотида»» [16] дает этимологию слова следующим образом: «Меоты – этническое название предков адыгов. Меотида – топонимическое наименование Азовского моря. Кабардинцев и черкесов некоторые античные писатели именовали: «меотами», «мэотами», «мэетами» или «маитами». Дон именовался в то время также Мэотом, Азовское море — Меотидой. В нартском эпосе (на кабардинском языке) встречается название моря Мыу-тхъух – букв.: «море, которое не мутнеет» [17]. Для этимологии необходимо анализировать слово мыутхъух, состоящее из следующих морфем: мы – префикс отрицания, утхъу – корень глагола утхъуэ-н «мутнеть» и х <- *хы – «море». Данная отрицательная форма почему-то Аутлевым П.У. заменяется (лингвистически абсолютно произвольно) положительной формой: мэ-утхъох «море, которое мутнеет». Положительная форма Аутлеву П.У. необходима, потому что Азовское море – мутное. В данном случае отрицательная частица мы подменяется показателем 3-го лица настоящего времени [18]. Показатель 3-го лица мэ в современном адыгском языке восходит к форманту динамичности -уэ. П.У. Аутлев исключает необходимость обращения к истории слова. Формант же мы как отрицание уходит своими корнями к общеабхазско-адыгскому единству. Композиты и определительные словосочетания с отрицательной инфинитной формой глагола широко известны в адыгских языках, но не говорят: мэ-жъу ос «сверкающий снег», надо жъуэрэ осыр «сверкающий снег», мэлажъэ джан «платье, которое рвется», надо джэнэ лэжъагъ «платье изношенное, рванное», мэ-хъу мылэрыс «поспевающее яблоко», надо мылэрысэ хъугъ «поспевающее яблоко» и т.д. Как видно из приведенного нами иллюстративного материала, в композитах адыгских языков глагол настоящего времени с личным показателем мэ не выступает в качестве первого компонента, а в определительных словосочетаниях определяющим

словом может быть причастие: къэкlorэ клалэр «идуший юноша», къэкlogъэ клалэр «пришедший юноша» и т.д. Но мэ-кlo клалэр – подобной синтаксической модели в адыгском языке нет. Следовательно, образование мэутхъох, предлагаемое П.У. Аутлевым, не характерно для адыгского языка. В слове мэутхъо «мутнеет» имеется звук хъу. Почему он исчез из этнонима меоты, если предлагаемая П.У. Аутлевым этимология приемлема? При отсутствии специфического звука в заимствующем языке он обычно заменяется ему подобным. Если же произошла редукция согласного хъу, то это также требует обоснования и объяснения. Еще один довод, указывающий на ошибочность этимологии меоты, как на «море, которое мутнеет». Этноним вырван из ряда аналогичных имен. Если исходить из версии, что меот – это «море, которое мутнеет», ме <- мэ – личный аффикс 3 лица, то О и Т должны относиться к корню: ме-от <- мэ + у + тхъо. Но [т] не входит в корень.

Сравним мэот с другими этнонимами: керке – ты; чин – ты; торе – ты; хет – ты; сарма – ты ... То, что ты – неадыгский суффикс, видно из сравнения хотя бы с адыгским этнонимом хаттов: хъаты-у «хатт», хъаты-у-хэ-р «хатты».

Роль показателя множественного числа в этнонимах в устах адыгов выполняет суффикс х<- хэ, и этот суффикс множественного числа сохраняется и тогда, когда этноним заимствуется представителями других народов и передается в иноязычной форме: зи-х-и, кол-х-и, мес-х-и, абадзе-х-и, инио-х-и, убы-х-и. Таким образом, < т, – ты в этнонимах типа хет-ты является суффиксом. Тогда, корнем в слове меот остается только O//У, что не может иметь значения «мутнеть».

Следовательно, этимология меот как «море, которое мутнеет» ошибочна.

Говоря о взаимосвязи языка и истории, нельзя обойти молчанием работы, связанные с дешифровкой неразгаданных письменных памятников. На вопрос была ли письменность у протоадыгов, возможно, может быть и положительный ответ. Но подобный ответ заключает в себе больше предположений, чем объективного научного обоснования. Подобное предположение о возможности наличия письменности основывается на нескольких фактах. Во-первых, связь со странами высокой цивилизации; во-вторых, высокая духовная культура протоадыгов; в-третьих, наличие исконных слов тхэн

«писать», еджэн «читать» и фразеологизмов типа ынат Iэ итхагъ «определено судьбой», т.е. «на лбу написано», дошедших до нас.

Судя по-всему, наши предки в доисторическую эпоху пережили какую-то страшную катастрофу, в результате чего у нас не сохранился древнейший фольклор и, возможно, письмо. Это было настолько давно, что народ вынужден был перестроиться к бесписьменному укладу жизни. Но анализ сохранившихся этнических достижений народа в самых различных областях: в этнопедагогике, в фольклоре, различные методы (обычаи) сообщений, их стиль и форма, утонченность и двуплановость сообщаемых вестей, способы и приемы сохранения и передачи новым поколениям информации о специальных, профессиональных знаниях народа – подспудно подводит нас к мысли о возможности наличия в древнейшую пору письменности у адыгов. Богатство жанров фольклора, стилевых различий языка, в зависимости от жанра, внутреннего духовного мира сказителей, способы и формы передачи информации другим лицам и поколениям заставляет предполагать, что все это не является первичным, а, возможно, вторичным явлением, новыми устными средствами, повторяющимися, хотя бы частично, традиции народа, имевшего в древности письмо. Народ, лишившийся в силу непонятных сегодня, неясных причин письменности, ищет способы, новые информационные каналы для сохранения, закрепления и передачи последующим поколениям духовных, культурных ценностей, накопленных им в течение тысячелетий. Но это – чисто теоретическое предположение, лишенное какой-либо научной фундаментальной базы и требующее для своего, хотя бы частичного обоснования, большой теоретической работы лингвистов, историков, психологов и т.д. Таким образом, ясно, что пока действует тезис о том, что у адыгов не было письменности до наших дней.

Вопросы языковых контактов также не в последнюю очередь представляют интерес для историков. Но это отдельная большая тема. Язык дает материал не только для изучения вопросов этногенеза и культурно-исторических связей народа, но он предоставляет исследователю обширные сведения для восстановления

хозяйственно-экономической и духовной жизни народа, его этнографии и истории. История изучает прошлое. Знание прошлого необходимо для настоящего и будущего.

Примечания:

* Статья дается с небольшими сокращениями.

1. Гримм Якоб. Немецкая грамматика. Хрестоматия по истории языкознания XIX-XX веков. М., 1956. С. 61.
2. Герцен А.И. Былое и думы. М., 1946. С. 651.
3. Раск Р. Исследования в области древнесеверного или происхождение исландского языка. Хрестоматия по истории языкознания XIX-XX веков. М., 1956. С. 36.
4. Grimm. Geschichte der deutschen Sprache. Leipzig, 1880. S. 4.
5. Абаев В.И. Язык и история. Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968. С. 39.
6. Бетрозов Р. Этническая история адыгов. Нальчик, 1996. С. 8.
7. Народы мира: Историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 7.
8. Чикобава А.С. К этимологии древне-грузинских терминов Вуагi samxar-i «юг». К вопросу о взаимоотношениях иберийско-кавказских языков. (На груз. яз.) // ИКЯ. Т.V. Тбилиси, 1953.
9. Керашева З.И. Значение диалектной лексики для решения историко-генетических проблем // ЕИКЯ. Т. П. С. 61.
10. Керашева З.И. Значение диалектной лексики для решения историко-генетических проблем // ЕИКЯ. Т. П. С. 61.
11. Трубочев О.Н. Некоторые данные об индоевропейском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время // ВДИ. 1978. № 4.
12. Ногма Ш.Б. Филологические труды. Т. I, 1956; З.И. Керашева. Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка. Майкоп, 1957.
13. Никонов В.А. Введение в топонимику. М., 1965. С.35.
14. Дауров Х.Б. К вопросу о составе адыгейского топонима samaz. // ИКЯ. Т.V. Тбилиси, 1978.
15. Аутлев П.У. К вопросу о смысле слова «меот» и «Меотида» // УЗ АНИИ. Т. 9. Майкоп, 1969.
16. Аутлев П.У. Указ соч.
17. Сосрыкъо и Адыюху // Нарты. Каб. эпос. 1951. С. 125.
18. Турчанинов Г.Ф. Древнейший письменный памятник Кавказа // ВДИ. 1965. № 3. С. 85.